

УДК 316.728

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЫДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Скляренко Екатерина Александровна – аспирантка, преподаватель кафедры социологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

Статья посвящена одному из дискуссионных вопросов изучения современной социологии – тем сторонам человеческого существования, которые понимаются под повседневностью. Анализируются различные исследовательские подходы к изучению повседневных практик человека. Поскольку в современном социально-гуманитарном знании отсутствует единая методология при рассмотрении структур повседневности, автором предпринимается попытка выделить наиболее универсальные критерии повседневности в рамках конструктивистского подхода к ее изучению.

Ключевые слова: интерпретация, конструктивизм, интерсубъективность, повседневность, критерии повседневности.

Стаття присвячена одному з дискусійних питань сучасної соціології - тим сторонам людського існування, які розуміються під повсякденністю. Аналізуються різні дослідницькі підходи до вивчення повсякденних практик людини. Оскільки в сучасно-гуманітарному пізнанні відсутня єдина методологія при розгляді структур повсякденності, автором робиться спроба виділити найбільш універсальні критерії повсякденності у рамках конструктивістського підходу до її вивчення.

Ключові слова: інтерпретація, конструктивізм, інтерсуб'єктивність, повсякденність, критерії повсякденності.

Aspects of human existence, which are taken to the commonplace are one of the topic of studying every day's life. This question are regarded in the article. Different research approaches to studying everyday practices are analyzed in the article. Conclusion about the absence of single methodology in reviewing the structures of every day's life are noted in this article. Attempt to highlight the most universal criteria of every day's life in a constructivism are presented in the article.

Keywords: interpretation, constructivism, intersubjectivity, everyday life, criteria of everyday's life.

Состояние теоретического ландшафта современной социологии характеризуется смещением исследовательского интереса из относительно стойких структур и институтов в сторону микросоциальных явлений и процессов. Об этом красноречиво писал П. Штомпка: «Центр внимания социологии в последнее время, кажется, резко меняется. Серьезные авторы увлеченно пишут книги по вопросам любви, интимности, дружбы, еды вне дома, поп-музыки, покупок, риска, недоверия, одиночества, здоровья и физкультуры, поездок в такси и т.п.» [9, с. 3].

А. Турен также указывал на то, что «чем общество более современно, тем более значение предоставляется не институтам и универсалистским принципам, а самим действующим лицам. Именно от них должны выходить изменения, которые не дают сфере осуществления социальных и политических действий разрушиться и исчезнуть вообще» [6, с.8]. Самой яркой чертой современности А. Турен называет распад системы общезначимых общественных институтов и организаций социального контроля. Поэтому и в социологической теории акценты смещаются из исследований больших сообществ, больших социальностей на детализацию повседневности личности, на индивидуальную природу социальной жизни.

Именно эти тенденции социальные теоретики и обозначают как методологический поворот, парадигмальный сдвиг, «третью социологию», которая, по мнению П. Штомпки, изучая «на первый взгляд тривиальные явления повседневности ...дает новый угол зрения, позволяя продвинуться в понимании загадок человеческого общества» [9, с.4]. Необходимость изучения экзистенциального содержания повседневного пространства современной личности, связанного со смысловой структуризацией

«микроуниверсума» человека, и обуславливает актуальность существования «новой социологии» – социологии повседневного знания.

Однако новая тенденция в социологии – фокус на исследованиях повседневной жизни – пока на ранней стадии развития. Чтобы стать заметной теоретической ориентацией, ей нужны концептуальные инструменты. Исследование повседневной жизни неизбежно ставит ряд методологических проблем, которые связаны со сложностями обобщения и оценок многообразных, часто взаимоисключающих данных, раскрывающих внутреннюю неоднородность и изменчивую динамичность хода повседневной жизни. Цель данной статьи мы видим в определении универсальных методологических критериев повседневности на основе выделения подходов к пониманию и интерпретации ее структур.

Весомый вклад в развитие и становление проблематики исследований повседневности внесла так называемая школа «Анналов», которая обосновала новый на тот момент подход к пониманию прошлого и места человека в нём. Представителями данной школы были сформулированы основные методологические пути изучения повседневности, в рамках которых особое внимание уделялось рассмотрению ментальности и активности самого исследователя (М. Блок, Ж. Ле Гофф, Л. Февр и др.). Общенаучными подходами в исследовании повседневности являются работы в области феноменологии (Э. Гуссерль, А. Шюц и др.), а также герменевтики (Г. Г. Гадамер, М. Хайдеггер и др.). Фундаментальными методологическими исследованиями можно назвать работы И. Г. Касавина, Г. Г. Кнабе, Н. Н. Козловой, В. Л. Козырькова, Ю. М. Лотмана, В. Д. Лелеко и др., раскрывающие концептуальные подходы, предмет и методы изучения повседневности. Среди современных украинских авторов, занимающихся проблематикой повседневности, следует отметить Даниленко О. А., Ковалеву И. Д., Худенко А. В., Ходус Е. В. и др.

Весь корпус литературы по интересующей нас проблеме можно разделить на две группы. В первых, это источники, где эксплицируется тем или иным образом ключевое понятие повседневности. Повседневность в них рассматривается как феномен, порожденный (конструируемый) в ходе социального взаимодействия. Эксплицируемая реальность здесь intersubjectively и нетематизируема. В такой реальности основания повседневности, то есть работа смыслообразующих механизмов реальности, включенным актором не проблематизируются.

Классический гуманитарный дискурс тематизирует исключительно гносеологические корреляты повседневности, ее интеллектуализированные модификации, такие как мнение, здравый смысл, обыденное сознание. Повседневность в поле философской рефлексии входит с именем Э. Гуссерля, основателя феноменологической традиции. Он и поставил задачу исследования феноменов жизненного мира. Специальным предметом исследования повседневность становится в социальной феноменологии. Этому посвящены работы Э. Гуссерля, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, немецкого феноменолога Б. Вальденфельса. А. Шюцем, в трудах которого синтезируются феноменология Э. Гуссерля и социальные исследования М. Вебера, были выделены структуры повседневного мира, представляющие собой репертуар культурных моделей в той или иной социальной матрице.

Как видится автору настоящей работы, социальная феноменология, представителем которой является А. Шюц, рассматривает социальную реальность на основе мира повседневности. Поскольку повседневное, если употребить синонимический ряд, есть привычное, ставшее, повторяющееся, нормальное, то есть то, что «осело», или, следуя терминологии Б. Вальденфельса, есть «воплощенная» и «просачивающаяся» рациональность, постольку социальный порядок основывается на повседневных взаимодействиях [3, с. 41]. Феноменологическая социология пытается понять, как эта повседневность сконструирована. Общественный порядок поддерживается тем, что считается нормальным. Повседневное, поддерживаемое «традиционными» действиями, восприятиями, является основанием стабильности. Процесс социального бытия существует на основе повседневности.

В пользу последнего тезиса говорит также определение А. Шюцем повседневности как «верховой реальности», то есть как «места», среды, где начинается конструирование (как стартовая площадка) неповседневных смысловых сфер, из которых всегда возвращаются назад, в эту среду (как финишную черту), обогащая, наполняя и, следовательно, изменяя ее [10, с. 131]. А. Шюц перенес основное исследовательское внимание на социальную конструкцию повседневного мира. Он исходит из существования различных смысловых сфер «жизненного мира», имеющих социальное происхождение. Во всем многообразии реальности, с которой имеет дело человек, феноменология выделяет в ней особые миры — мир религии, мир игры, мир научного теоретизирования, мир сновидений, мир душевной болезни, мир повседневности и т.д [10, с. 132].

П. Бергер и Т. Лукман в своей знаменитой книге «Социальное конструирование реальности» приводят точно такую же стратификацию жизненного мира. Они определяют реальность как то, что люди знают как реальность, знание при этом есть уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают теми или иными характеристиками. Свое обращение именно к повседневному знанию они оправдывают тем, что «теоретические определения реальности, будь они научными, философскими или даже мифологическими, не исчерпывают всего того, что является «реальным» для членов общества. Это именно то «знание», представляющее собой фабрику значений, без которого не может существовать ни одно сообщество» [1, с. 37]. Поскольку в разных обществах существует разное понятие о реальности, можно говорить о социальной относительности понятий «реального» и «знания». Жизненный мир реален в той мере, в какой он осознается людьми, является содержанием их коллективных представлений. Конструируемая социальная реальность оказывается продуктом человеческого сознания [1, с. 87, 136].

Раскрывая механизм конструирования социальной реальности, авторы, по их мнению, возвращают человеку его свободу как творцу всех общественных объективации. Диалектика социального процесса проявляется в том, что общество, как часть человеческого мира, создает людей и, в свою очередь, создается ими в непрерывном историческом процессе. Речь идет о существующей неразрывности, единстве социального бытия и социального сознания. Социальная феноменология рассматривает повседневность как основу социального бытия, почву различного рода порядков реальности человека, которую всегда надо иметь виду при прояснении предпосылок всякого подлинно научного рассуждения.

Таким образом, вышеперечисленные концепции пытаются выявить неявные механизмы конструирования реальности. Они отталкиваются от того, что конструирование уже совершенно фоном, набором фоновых практик, фундирующих пространство социальных смыслов. Человек лишь актуализирует одну из них или некоторую, но, все равно, предданную совокупность.

Вторая группа источников по интересующему нас вопросу, это работы, авторы которых настаивают на том, что повседневная жизнь общества может быть рассмотрена не только, как она представляется глазам обыденного субъекта, но и как социально сконструированная неоднородная среда, отражающая в непосредственной практической жизни диалектические отношения объективных структур и реально действующих субъектов в едином социальном пространстве. Попытки такого рассмотрения повседневности в современной социальной теории и гуманитарном знании происходят под знаком «практического поворота» – попыток формирования нового теоретического консенсуса относительно природы повседневности на основе понятия «практики». Социологической концептуализации понятия «практики» способствовали три современные теории: структуралистский конструктивизм П. Бурдье, теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля.

Дело в том, что «повседневные практики никогда не выступают в форме проектов, программ, доктрин социального изменения. Повседневные практики не воплощаются ни в каком официальном институте, они образуют своеобразные «свободные зоны», защищенные или защищающиеся от институциональных давлений» [4, с. 119]. Принцип двойного конструирования повседневности проявляется в том, что структура повседневной жизни определяется уникальной индивидуальностью человека, но социальные и материальные параметры жизни задают определенную матрицу повседневности, которая определяет пределы индивидуализации повседневной жизни [4, с. 132].

В концепциях П. Бурдье, Э. Гидденса важнейшую роль играет вопрос о воспроизведении акторами той или иной формы социальности. Главная идея этих исследователей состоит в выдвигании тезиса о взаимной детерминации социальных структур и социальных агентов. Интересуясь, главным образом тем, как адекватно отобразить общественную реальность, они подводят к тому, что изменения ее возможны, но вопрос о существенных изменениях не ставят. И все же, если следовать «логике» данных теорий, социальный сбой проявляется в несоответствии, расхождении двух структур - ментальности, заданной прежней реальностью, с одной стороны, и нормами социальной среды «новой» реальности, с другой. Этот сбой в восприятии повседневности предполагает новую возможность в изучении повседневности – не только то, как структуры воспроизводят значения и смыслы, но и то, как эти новые смыслы могут производиться социальными акторами.

Этому созвучно и постмодернистское восприятие социальной реальности как принципиально гетерогенной в работах Ж. Дерриды, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра.

Несмотря на то, что повседневность принадлежит миру, привычному, близкому и знакомому для каждого человека, она ускользает от рефлексии. Определенности предметного значения у понятия повседневности нет. Категория повседневности представляет собой определенного рода ценностное

образование, идею, «абстракцию», «рамочный синдром», играющий, по существу, методическую, регулятивную роль в исследованиях, своеобразного принципа отбора материала для описания и анализа [8, с. 70]. Разделяя точку зрения большинства социальных теоретиков, мы также придерживаемся того мнения, что повседневность неотделима от общества и его структур – сословных, институциональных и прочих, носит конкретно-исторический характер. При изучении повседневности требуется наложение друг на друга матрицы социально-экономических отношений, матрицы ценностей, структуры материальной среды, социальной стратификации, матрицы культуры, и т.д.

Но следует учитывать и то, что повседневность – это, прежде всего, индивидуальная интерпретация времени и пространства, которая должна предполагать и перформативный характер воспроизводящего ее актора. Это означает, что повседневность, понимаемая в качестве продукта двойного конструирования: с одной стороны – в поле запросов социальной практики – как естественным образом складывающийся результат взаимодействий; с другой стороны – в поле интересующего познания – как интерпретативная схема, детерминируемая используемыми в индивидуальной практике конструктивными принципами и т.д., при несоответствии этих схем существующим социальным реалиям может давать «сбой», «разрывы в повседневности», адекватной реакцией на которые неизбежно со временем должны стать модели производства новых значений и смыслов.

Повседневные интеракции с точки зрения данного подхода строятся на нескольких уровнях знания. Один из них — знание первичное, основанное на эмоциональном восприятии других людей, на предварительном знании об их формах поведения, об их установках и оценках. Вторичное знание строится с учетом первичных форм, однако в этот тип знания включены перформативный и познавательный моменты.

Свое предметное выражение и институциональность структуры повседневности приобретают в различных видах социальной практики. Ощутить повседневность можно только как действие и мысль, работающие по заданной схеме [2]. Повседневность выступает в функции регулятора коммуникативных отношений. В этом значении повседневность следует рассматривать как базис коммуникации, интеракции и когнитивных отношений.

Повседневность – это особый код, который возникает в сознании индивида при необходимости практически решить ту или иную проблему. Код повседневности отвечает на вопрос «как?» и основная функция повседневности – это адаптация (полезность). Работа структуры повседневности видится как совокупность процедур конфигурации и реконфигурации [5]. Откуда же берется этот повседневный код, при необходимости всплывающий в сознании индивида? Из не замечаемого нами естественного, самоочевидного фона, являющегося необходимым условием нашей деятельности. Что же представляет собой этот фон? Это и есть обычаи, привычки, образцы толкования, особенности восприятия, мышления и переживания людей. Условия бытия в повседневном мире являются своеобразной логикой человеческой жизни, которая находит свое выражение в суждениях о ценностных измерениях, ориентациях и в самом факте наличия в этом мире значений, которые формируются внутри смысловых структур повседневности.

Поэтому концептуально методологический конструкт повседневности мы предлагаем определять через следующие критерии: субъективное осмысление общих социальных коррелятов (интерсубъективный аспект понимания); типизируемые способы интерпретации (схемы-типизации повседневности) и ментальные сущности (культурно-исторические традиции, законы развития).

К структурам, определяющим повседневное существование, оказалось возможным отнести целый ряд объектов, которые можно классифицировать как: 1) пространственно-территориальные, 2) социальные; 3) ментальные. К первым относятся локус обитания обычного человека, вещи «вокруг» и «для» него, культура питания, практики поддержания своего физического существования. Вторые включают в себя профессиональную деятельность, общественные (в том числе, семейные) коммуникации, отклоняющееся (девиантное) поведение. Наконец, третья группа состояла из общей культуры, ценностных представлений, гендерных и возрастных установок. Таким образом, основные категории, используемые в исследованиях повседневной жизни (образ жизни, ментальность, быт и пр.), могут быть объединены в систему.

Итак, мы предлагаем рассматривать сферу повседневности как такую форму жизни, главная направленность которой заключается в сохранении и воспроизводстве экзистенциального существования индивида и общества. Критерием следования правилу в данной форме жизни является адаптация, полезность [7, с. 39]. Особый код (схемы-типизации повседневности) возникает в сознании индивида при необходимости решить ту или иную практическую проблему, он отвечает на вопрос «как?» и выражается как стандартизированное разнообразие множества языковых и коммуникативных практик,

познавательных и поведенческих схем. Индивиду приходится прибегать к особому способу конституирования реальности, состоящему в совокупности процедур конфигурации и реконфигурации. Тем самым повседневность предстает перед нами в виде своеобразного механизма по воспроизводству и производству значений, по созданию и преобразованию всевозможных объектов. Она имплицитно содержит в себе смысловые структуры, схемы регламентации, системы оценок и преимуществ, наличие которых позволяет рассматривать ее как организованную реальность, доступную теоретическому описанию. Стремление человека сделать окружающий мир понятным, ожидаемым, предсказуемым в рамках существующей системы социальной детерминации, в конечном итоге, и составляет основное содержание его повседневного существования. Специфика же данного подхода к описываемой ситуации в том, что он предполагает выявление смыслов, конституировавших социальное поле, единство сознания индивида и делает акцент не только на вопросах воспроизводства (как в указанных теориях постструктурализма), но и производства социальной реальности.

В рамках данного дискурса нами сделана теоретическая попытка определения границ проблемного поля и универсальных критериев повседневности с целью последующего сужения фокуса исследовательского внимания на конкретных аспектах происходящих трансформаций поведенческих практик в рамках украинской повседневности. На наш взгляд, особенное значение сегодня может приобрести поиск таких фундаментальных категорий повседневности, которые в разных исторических периодах и социокультурных сообществах, культурах имеют свое вариативное содержание.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995. – 323 с.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые // Электронный ресурс [режим доступа]: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3707>
3. Вальденфельс, Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос: Социология. Антропология. Метафизика. Вып. 1. - М.: Прогресс, 1991. – С. 39-51.
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
5. Сыров В.Н. О статусе и структуре повседневности (Методологические аспекты) / В.Н. Сыров // Электронный ресурс [режим доступа]: <http://xn--90agtfjot8f.xn--p1ai/index.php/stati/155-o-statuse-i-strukture-povsednevnosti-metodologicheskie-aspekty>
6. Турен А. Социология после социологии / А. Турен // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература, Сер.11, Социология: РЖ / РАН. – М., 2008. – № 3. – С.5–11.
7. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация / А.М. Улановский // Вопросы психологии. – 2009. – № 2 – С.35–45.
8. Худенко А. В. Повседневность в лабиринте рациональности / А. В. Худенко // Социологические исследования. – 1993. – № 4. – С. 67-75.
9. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии / П.В. Штомпка // Социологические исследования. – 2009. – №8. – С. 3–12.
10. Шюц А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С.129–137.